

Вера МАКСИМОВА

ЮРИЙ СОЛОМИН – ДОМЕНИКО СОРИАНО

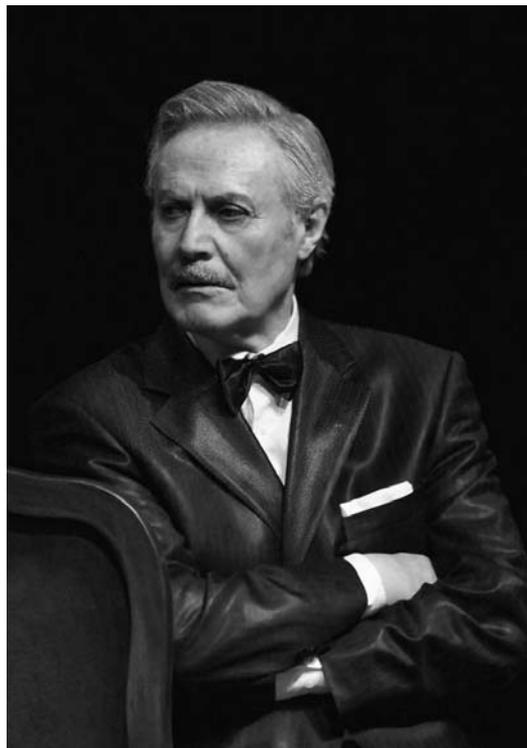
В последние годы он мало чего хотел для себя – актера. Чаще, требовательней, тревожней – для своего Малого. Но и подозрительней, недоверчивей, нервнее, – во всегдашнем своем опасении не разрушить, не умалить неверным выбором уникальности, особенности старейшего русского коллектива. Едва появившись на пороге его просторного кабинета в мемориальном здании на Театральной площади, носители идей, предлагатели «проектов» (не любимое Соломиным слово), слышали хмурое и капризное – «Нет!» Это обижало, раздражало подчас, казалось избалованностью лидера и «главного начальника», правящего Малым театром уже третий десяток лет; объяснялось усталостью человека и артиста, прожившего жизнь, полную треволнений, очарований, утрат, мучительных контрастов – всенародной любви, славы и тяжелого, необъяснимого (хоть и на миг) сомнения.

Странно, но он вдруг захотел сыграть Доменико Сориано в старой пьесе Эдуардо де Филиппо «Филумена Мартурано», – состарившегося в удовольствиях и баловстве судьбы дона Думи, владельца неаполитанских булочных, бонвивана «среднего класса».

Соломина не пугало обилие знаменитых предшественников – исполнителей роли.

Напротив, – по складу его характера рождало энергию соревнования. Так у артиста случалось и прежде – с Царем Федором Иоанновичем, Хлестаковым, Сирано де Бержераком, булгаковским Мольером, в ролях мировой и отечественной классики, «опробованных» русскими гениями сцены.

В молодости, начинающим актером, в знаменитом фильме эпохи позднего «неореализма» он видел звездного итальянца Марчелло Мاستроянни, сыгравшего Доменико «близко к автору» – обаятельным, легкомысленным, манко сексуальным, простодушным во всех своих грехах.

Наверное, Соломин видел и Рубена Симонова в легендарном вахтанговском спектакле 1960-х годов. Этот Доменико не был простолюдином, буржуа, «плейбоем» неаполитанской улицы. Характер и образ были продиктованы артистическими данными знаменитого первовахтанговца, его артистизмом и стильностью, «породой», проступавшей буквально во всем. Симонов сыграл Доменико аристократом, бывшим красавцем, победителем женщин, – доном Сориано, который отчаянно цепляется за уходящую жизнь. Он был смешон в яростных воплях, зубовном скрежете, вздымании рук к небесам, как и положено истинно итальянскому мужчине, когда открывалась интрига Филумены – Цецилии Мансуровой: притворство мнимой умирающей, обман

венчания «на краю могилы» во имя счастья и благоденствия тайно выращенных сыновей. Поворотной, кульминационной, сердцевинной в спектакле становилась тихая сцена Доменико и его ближайшего друга – собутыльника на паперти городского собора, в сумеречности предрассветья, с песенкой «О, как мне скучно, скучно, грустно мне...», которая на утро после премьеры стала известна всей театральной Москве. Эта сцена с песенкой – исповедью человека, потрясенного ускользанием жизни, ощущением близкого конца, пустоты, вводила в эффектную трагикомическую роль объем и протяженность, философскую глубину звучания трагизма...

Юрий Соломин со всем его обаянием сыграл Доменико Сориано без оглядки на предшественников, без претензий на новизну, в согласии с собственной природой актера чеховской складки – полутонов, оттенков, околосвучаний. Сыграл легко, изящно, мягко, очень по-своему.

Было интересно смотреть его на репетициях молодого миланского режиссера Стефано де Лука, (во второй раз приглашенного в Малый театр после успеха «Влюбленных» Гольдони на сцене филиала). Робяя Мастера,

постановщик-гость надолго оставлял его в покое, занимаясь неистовой и яростной, скорее русской, чем итальянской Филуменой – Ириной Муравьевой. Сидючи у стола посреди сцены, Соломин исподволь наблюдал за нехитрыми мизансценическими «построениями» постановщика: Филумена – неизменно в центре интерьера-коробки, тройка сыновей – у стены). Чувствовались снисходительность и терпимость к молодости, профессиональный такт знаменитого артиста (однако, беспощадного, сверхтребовательного к опытным и равным), который на своем веку в кино и театре повидал множество одаренных, оригинальных, властных, даже великих режиссеров.

Талантливая Муравьева рано обнаружила владение ролью, сыновья не слишком проявляли себя, Соломин под суфлера покорно произносил реплики Доменико... И как бывает в театре, поползли слухи, – сочувственные, тревожные или потаенно злорадные о том, что он работой не увлечен и репетиции с де Лука ему не интересны, и что будет со спектаклем, никто не может сказать.

Между тем наступило лето, де Лука уехал в свою Италию, театр отправился в отпуск,

Ю. Соломин –
Доменико Сориано,
А. Потапов – Альфредо
Аморозо.
Фото Н. Антипова

а когда участники «Филумены Мартурано» вернулись, слухам и тревогам пришел конец. Неизвестно, что он там «сотворял», Юрий Мефодьевич Соломин, на своей зеленой даче в Валентиновке, среди «удомовленных» беспородных кошек и собак, о которых (вызывая остроты собеседников) может говорить бесконечно (и с куда большей нежностью, чем о людях), – но роль оказалась почти готовой. Репетиции стремительно двинулись вперед, к осязательной, зримой удаче.

Неопытность итальянского режиссера неожиданно обратилась благом. По молодости лет привнося в спектакль свежее, непосредственное, далекое от штампов звучание, Лука, не принуждая и не давя, как это сделал бы маститый постановщик-диктатор, дал исполнителю свободу самопроявления, открыл клапан стихийного актерского «соавторства» и «самовольства», которые органически свойственны

школе Малого театра. Недаром здесь умеют самостоятельно, без режиссера выстраивать образ, доводить его до вершины. К премьере, но иногда и много позже.

В знаменитом персонаже итальянского неореализма актер увидел безмятежную несерьезность, бездумье человека, не знавшего ни печалей, ни труда. Подвижный, хрупкий, гармонически пропорциональный, счастливек и баловень судьбы, дон Сориано входил в свой дом уверенным шагом хозяина. (Эlegantный костюм, бархатную домашнюю куртку Соломин носит так, что начинаешь тосковать о минувших временах большой культуры на российской сцене. Увы, цветастое, аляповатое платье Филумены–Муравьевой – от художника Лейлы Фтейта – несмотря на сетования изнутри Малого театра, так и не удалось поменять.

У Доменико прекрасное настроение. Он выполнил просьбу умирающей Филумены, –

обвенчался с многолетней любовницей в ее последний час. Чувствует себя великодушным и щедрым, чуть рисуется, кокетничает собственным благородством. Умиротворенный, готовится к новой жизни. Филумена вот-вот отойдет в лучший мир. Нескладная, смешная девица высоченного роста, в фундаментальном уличном костюме по моде послевоенных сороковых, в шляпке и вуали (Диана – Валерия Леньшина), ожидает на пороге, а здоровье донна ловеласа так хорошо, что не стоит и думать о преклонных годах. И вдруг обман, катастрофа!.. Филумена не умирает, а здоровехонькая соскакаивает со смертного ложа, и теперь она его законная жена. Человек, за целую жизнь привыкший, чтобы все его желания беспрекословно исполнялись, получает такой решительный, наглый, неожиданный отпор!

Он, конечно, протестует, ищет выхода, угрожает неминуемым разводом, церковным

И. Муравьева – Филумена Мартурано,
Ю. Соломин – Доменико Сориано.
Фото Н. Антипова

проклятьем, утешает обманувшуюся в надеждах «девицу-невесту»... Крики и клики, соответственно пьесе, «зубовное скрежетание», разумеется, есть в спектакле. Соломин убедительно и темпераментно произносит текст. Но вопреки ожидаемому, увлекает и завораживает иное: «тихие зоны» роли, длинные паузы молчания, неподвижность до полного ступора, внезапная, абсолютная немота. Говорит, главным образом, Филумена. Доменико категорически не желает ее слушать, однако, – слушает. Встревает поначалу с бурными возражениями, которые постепенно становятся беспомощными, все более наивными... Оказывается, этот избалованный, эгоистичный, весьма привлекательный мужчина прожил жизнь сущим ребенком. На соединении обаятельного

мужского начала и беспомощной детскости, слабости возникает комизм роли.

Дальше – больше и сложнее. Остолбенев, онемев от ярости, чуть подавшись вперед, вытянув навстречу Филумене все еще красивый профиль, Доменико замирает на стуле, сляясь понять, чего от него хочет эта всегда послушная, теперь разбушевавшаяся женщина. Какое-то душевное движение совершается в нем. Гневные тирады Филумены в него проникают. Доменико слушает и одновременно вслушивается в себя.

Всматривание и вслушивание, неожиданное узнавание Филумены, давно и до мелочей знакомой, домашней, будничной, порядком надоевшей; молчаливый процесс открытия неожиданного, нового – в себе, грешнике и эгоисте, в ней – полуприслуге и надоевшей любовнице, – зримы и ощутимы в намеренно не эффектной роли. Актер подтекста, глубоких вторых планов, Соломин не пропускает ничего из душевных движений и реакций своего героя, дает нам ощутить его пробуждение, возвращение к себе – лучшему, доброму. Внутренняя жизнь Доменико; контрасты перемен в этом странном мужчине-ребенке, капризнике, изменщике-самодуре, увлекают, а часто и смешат. Вслед за изумлением и яростью, приходит растерянность, потом – интерес, понимание, восхищение отвагой, умом, хитростью, страстным самоотверженьем женщины, благодарностью к ней, с которой прожита длинная и путаная жизнь. А по сути Соломин играет то, что он особенно умеет играть, – любовь, возвращение любви или рождение неведомой, новой.

Поэтому не так уж и существенна знаменитая сцена «экзамена» взрослых сыновей, когда выпрашивая об их талантах и «хобби», Доменико пытается угадать среди троих единственного *своего* сына. (У вахтанговцев она была эффектнейшей, ключевой. Доменико – Рубен Симонов пребражался, все для себя окончательно решал, услышав с порога от обернувшихся юношей непривычное слово – «папа»). Соломин играет по-другому, на ходу меняя задачу. Его герой начинает вполне серьезно, «наморщив лоб», решившись разгадать тайну Филумены. Но приступив к «расследованию»,

как бы забывает о своей цели. Ему уже не так и важно, кто из троих сыновей (Сергей Потапов, Константин Юдаев, Максим Хрусталеv) – свой, а кто – чужие. Слыша их ответы (один пишет стихи, другой любит женщин, третий поет), неожиданно для себя он испытывает удовольствие. Экзамен оставлен. Незадачливый «папаша», которому властная Филумена предлагает усыновить, принять всех троих или – ни одного, – вдруг загорается, светится, приходит в одинаковый восторг от каждого. В зеркале их молодости он видит себя прежнего, раннего. И слово «папа» приносит не потрясение, не кардинальную перемену, а радость.

Предстоящее повторное венчание немолдых родителей режиссер и художник видят не торжественно-соборно, (где-то в городе, при свидетелях, свечах, песнопениях), а как процедуру домашнюю, камерную, личную. (Наверное, оттого и платье Филумены будничное. Оборки по подолу, розовые цветы с зелеными листочками на сером поле, из ткани, напоминающей наш российский штапель в послевоенные, советские, бедные годы). А Доменико торжественен и параден, стремителен, подвижен от волнения, весь в черном, в великолепном вечернем костюме.

Любовь Филумены трезва, пронизана иронией и снисхождением, что обещает в будущем прочность и основательность их не простого совместного существования. Доменико, напротив, совершенно серьезен (не в первый ли раз в жизни?), потрясен (снова до немоты) и полон ожидания. Что-то бесконечно важное свершится и вернется к нему в этот вечер. Разумеется, не молодость, что было бы нереально, сентиментально, смешно.

Разыгрывается не столько итальянская история невероятного брака, но история человеческая или всечеловеческая. Доменико Сориано – Юрий Соломин возвращает себе жену, которой Филумена, по существу, и была все прошедшие годы. Возвращает мать своих детей, хранительницу очага, чего он никогда не знал прежде. Но главное, он возвращает пропущенную жизнь, через любовь, через сыновей, – преодоление конечности бытия, продолжение рода, а, следовательно, – бессмертие.